

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил.

В. Высоцкий

День первый

Грошев давно заметил, что состояние пограничной бессонницы, когда ты и не в яви, и не во сне, похоже на предсмертное. Наверное, так безнадежно уставшие от жизни люди хотят наконец умереть, но не получается. А жить нет сил. Вот и лежишь не шевелясь и покорно рассматриваешь картинки, которые показывает тебе твой бред. Там и запуск космического корабля, и полянка в желтых цветах с детским припевом из мультфильма, и слон, обхвативший хоботом бревно, и тонущий океанский лайнер, с которого сыплются человечки, и выступление неведомой рок-группы, исполняющей неведомую песню на неведомом языке, и скалящаяся, рычащая собака, которая прыгает на тебя и впивается в горло, но тут же исчезает, вместо нее толстый и горячий удав обвивает твою шею, а ты мутно думаешь: тоже страшно, но не так больно и крови не будет. А вот приятное видение: загорелая девушка в бассейне, в голубой воде. Она ныряет и выныривает зеленой русалкой с волосами-водорослями,

нет, это не русалка, это осьминог, он хватает тебя щупальцами, тащит в глубину, а в глубине вдруг пустыня, и ты едешь по прямой и длинной дороге, один среди песка и кактусов, под палящим солнцем, и тут в тебя стреляют из темноты, ты лежишь и обижаешься, что убили, с чем тебя и поздравляют средь шумного бала, поднося бокал холодного шампанского, ты пьешь его жадно, большими глотками и не можешь напиться, наоборот, жажда становится все сильнее...

А иногда ничего конкретного не видится и не слышится, только шипящая черно-белая рябь, как бывало в старых испорченных телевизорах.

В эту ночь Грошев долго терпел и все-таки не выдержал, в половине пятого проглотил таблетку. Заснул, и тут же его разбудил звонок телефона. Вернее, ему показалось, что тут же, на экране высветилось «10:10».

Обещал же себе Грошев, что будет отключать телефон на ночь, но не отключает.

Также он обещал себе не отвечать на номера без имени. И — отвечает.

Быть может, ждет звонка, который изменит его жизнь, хотя давно понял, что такого звонка не будет и что жизнь его не изменится. Или это настороженная отзывчивость: вдруг звонящему что-то очень нужно, что-то жизненно важное? Не ответишь, а потом узнаешь, что у человека было несчастье и ты мог выручить, но не выручил, и будешь терзаться.

— Привет, Миша, не очень рано? — спросил женский голос. — У нас тут одиннадцать уже.

— Где у нас?

— В Саратове, где же еще! Ты чего, не узнаешь?

— Если честно...

— Это я, Люда Суровикина! Надеялась, что ты мой голос не забыл, ладно, бог простит, сколько времени прошло!

Люда Суровикина, вспоминал Грошев. Кто такая Люда Суровикина? По голосу старуха, но бодрой интонацией молодится. Шут с ней, неважно.

— Я сразу по делу, ладно? У моей племянницы подруга умерла, не сейчас, раньше, у нее дочь осталась, а в Москве у нее брат двоюродный, у него какая-то фирма, и она туда поехала, потому что тут ни работы, ничего, а брат богатый, обещал пристроить, когда она еще живая была.

— Чей брат, кто умер, кто поехал?

— Брат ее матери, которая умерла.

— Чьей матери?

— Юны! Юной девочку зовут, Юнона, если полностью, они с зимы еще договаривались, что она приедет, она и поехала, а он ей вечером звонит в поезд, прикинь, она уже едет, а он звонит и говорит: мы всей семьей за город уезжаем, встретить и принять тебя не можем, в Москве карантин объявят скоро, так что ты давай езжай обратно! Девочка в шоке, но из поезда-то не выскочишь, доехала, торчит сейчас на Павелецком, плачет, звонит Кате, что делать, говорит, не знаю.

— Какой Кате?

— Племяннице моей, господи, я сказала же! Звонит ей, а она мне, я тоже всем звоню, ищу варианты, и тут мне Саша Горелых сказал, что у тебя был проездом, что ты один живешь, номер твой дал, очень тебя хвалил, что ты гостеприимный! Сашу-то помнишь?

— Помню, и что?

— Как что? Приюти девочку, не возвращаться же ей обратно, в самом деле!

— На сколько?

— Да ненадолго! Договорится как-то с этим, все-таки дядя, хоть и двоюродный, найдет ей что-нибудь. Катя говорит, она девочка хорошая, порядочная, тебе никакого беспокойства не будет. Если ты ее сам не побеспокоишь, старый кобель!

И Люда Сурувикина закашлялась шаловливым смехом. Совершенно непонятно, какие у нее были основания называть Грошева старым кобелем. Видимо, хотела сказать ему что-то лестное.

— Я тоже уезжаю, — без угрызений соврал Грошев: его оправдывало законное желание защититься от бесцеремонной назойливости. — Недели на две. Так что...

— Еще лучше! — обрадовалась Сурувикина. — Оставь ей ключи! Квартиру твою постережет, Москву посмотрит. Заодно окна тебе помоеет, спорить могу, что у тебя окна немытые, я вот всегда окна в это время мою, а сейчас грязные стоят, ни до чего абсолютно, люди все растерянные, я тоже. И не сказать, что времени нет, а настроя никакого, понимаешь? Тут ведь как: когда все охота делать, то все и охота, а когда ничего неохота, то ничего и неохота!

— Ты меня не дослушала! — сердито сказал Грошев. — Насчет поездки я еще не решил, жду звонка, все еще может сорваться, но...

— Это правда, у всех все срывается, та же Катя магазин свой...

— Я к тому, что, даже если не уеду, у меня полно работы!

— А чем она тебе помешает? Наоборот, приготовит, посуду помоешь, еще больше наработаешь. Ты с ней помягче, Миша, сам понимаешь, какая ситуация. Полная сирота, надеялась жизнь свою пристроить, и такой облом. Мне больше не к кому обратиться, кроме как к тебе, в честь того, что у нас было, Миша, не откажи! Помнишь ведь? Помнишь?

— Помню, — сказал Грошев, ничего не вспомнив.

— Я бы видео включила, сразу бы узнал, но я такая страшная с утра, не хочу тебя расстраивать.

Тут в телефоне неприятно, до щекотки в ухе, загудели шмелиные звуки нового вызова.

— Мне тут кто-то звонит...

— Да она, кто же еще! Я номер ей твой дала, сказала позвонить минут через пять, а мы с тобой болтаем тут. Все, отвечай, а то она, наверно, вся рыдает! Целую-обнимаю, пока!

Грошев переключился, ответил.

Девушка не рыдала, говорила холодно и недовольно. Словно не она звонила, а ей, словно хотела поскорее покончить с разговором. Получить отказ и уехать обратно с подтвержденной обидой на весь свет.

— Здравствуйте, это Юна, — сказала она. — Я тут на вокзале... На Павелецком.

— Вам негде остановиться?

— Ну да.

— Вопрос в том, что я сам могу уехать. Скорее всего, послезавтра. Если это устроит...

— Не знаю...

— У вас другие планы?

— Никаких у меня планов. Мне дяде посоветовали еще раз позвонить, а зачем ему звонить, если он меня завернул? Так что я без понятия.

Сказав это, Юна замолчала. Не ее теперь забота, пусть Грошев решает, как ей поступить.

— Ладно, — сказал Грошев. — Приезжайте, и обсудим. В любом случае обратный поезд вечером, если захотите уехать.

— Тут и дневные есть. Проходящие.

— Решили вернуться? — подсказывал Грошев.

— Почему? Хотя бы Москву посмотреть, если приехала. Я тут только в детстве была.

— Ну, тогда жду. Адрес сейчас пришлю. На такси — полчаса.

— Я на метро поеду.

— Тяжело с вещами.

— У меня чемодан на колесах и рюкзак — нормально.

— Хорошо. Тогда спускайтесь в метро, доедете до «Тверской», а там...

— Да я сама соображу, адрес пришлите.

— Ну и славно.

Грошев послал ей адрес, выпил растворимого дешевого кофе — не очень вкусно, зато быстро, пошел умываться, чистить зубы и бриться. Бреясь, думал, что не повезло: волосы на щеках, под носом и на подбородке редкие, тонкие, а то отрастил бы бороду и избавился от ежедневной дозуки бритья. Впрочем, иногда он дня по три не бреется: красоваться не перед кем. С прической проще — длинные полуседые волосы Грошев заглаживает назад и перехватывает резинкой, отчего становится похожим на ветерана рок-

музыки или человека артистического образа жизни и мыслей, что не далеко от истины.

Глазами хозяина, встречающего гостя, то есть гостью, он осмотрел свое жилище. Эту квартиру Грошев купил четыре года назад после развода с женой. Малогабаритная двушка в блочной двенадцатизэтажной башенке, одиннадцатый этаж, площадь тридцать шесть метров, угловая, окна на две стороны, застекленный балкон, потолки низкие, хрущевка хрущевкой. Входишь в квартиру и попадаешь из крохотной прихожей в узкий коридор, слева две комнаты, маленькая и побольше, справа туалет и ванная, прямо по курсу кухня, из нее выход на балкон.

Похоже, бывшие хозяева в незапамятные времена затеяли ремонт и сразу же взяли мощный аккорд: устлали полы в комнатах паркетом. Он до сих пор выглядит солидно — настоящий, елочкой, полированный, древесно-желтый, с протоптанными темными полянами у дверей. Но, возможно, это не хозяева постарались, паркет имелся от рождения квартиры — Москва при возведении новостроек была подчас неожиданно тороватой, и, например, десятиметровые кухни в типовых квартирах не редкость; для провинциала, каким был Грошев полжизни назад, — роскошь неопишуемая. К сожалению, в этой квартире кухня не такая, шестиметровка.

А вот обои — точно дело рук хозяев. В большой комнате — голубоватые с серебристыми квадратиками, в маленькой — розоватые, по верху красная окантовка с вереницей желтых утят; тут была, видимо, детская. Грошев, когда вселился, ничего не стал менять,

понимая, что косметическим ремонтом не обойдешься, а на серьезный не осталось денег. Большой комнате назначил быть гостиной и спальней, поставил вдоль одной стены шкаф-купе, напротив — раскладной диван, поместилось еще кресло, и на этом пространство кончилось. Положил посередке пестренький коврик, диван застелил таким же пестрым покрывалом — с ностальгической иронией усугубил советский стиль. А в маленькой — кабинет: три книжных шкафа, большой стол у окна, кресло-кровать, широкое, удобное, с торшером над ним. Обиталище аскетичного и мыслящего человека, ничего лишнего, внушает уважение.

В ванной же и в туалете — старая сантехника, нелепый кафель, снизу до половины темно-зеленый, под малахит, сверху бежевый, посередке бордюры с синими парусными корабликами на белом фоне.

Кстати! — вспомнил Грошев. Кстати, а ведь на дверях ванной и туалета нет замков, защелок и задвижек! Он еще, когда въехал, удивлялся: знал, что здесь жили муж с женой и две выросшие дочери. Как они пользовались? Снаружи стучали, а изнутри отвечали, что занято? Грошев при вселении сначала хотел врезать современные ручки с защелками, но, зайдя в хозяйственный магазин за лампочками, увидел маленькие задвижки-шпингалеты оконного типа и купил их. И все собирался приделать, тем более что его навещала в последнее время женщина Маша, изредка оставаясь ночевать, но так и не собрался, четыре года задвижки ждали своего часа.

Грошев взялся за работу. Необходимые инструменты имелись: стамеска, молоток, отвертка, все

было куплено тогда же, в хозяйственном, для будущих работ, к которым он так и не приступил.

Он аккуратно выдолбил стамеской углубление в косяке туалета, прикрутил к нему планку, а к двери привинтил задвижку. Закрылся изнутри, с досадой увидел, что штырек входит в углубление только краешком, чуть сильнее дернуть дверь снаружи или толкнуть изнутри, и она распахнется. Пришлось отвинчивать задвижку и приделывать заново. Зато, работая после этого в ванной, учел ошибку, все получилось как надо. И задвижки были в цвет золотистым круглым ручкам.

Работа заняла час с лишним, только он закончил — звонок домофона.

Подошел, снял трубку.

Вялый голосок:

— Это я.

— Заходи. Одиннадцатый этаж.

— Да, вы написали.

Грошев, занятый хлопотами, не успел представить себе эту Юну, а ведь интересно, какая она.

Может быть, высокая, стройная, с насмешливым взглядом. На третью ночь войдет к Грошеву, лежащему с книгой, и скажет:

«Знаете, Михаил, я иногда люблю эксперименты».

И спокойно разденется и ляжет рядом.

А может, она маленькая, тонкая, милая, проскользнет к Грошеву, лежащему с книгой:

«Михаил, мне так плохо одной, можно я с вами немного полежу?»

И ляжет, и задышит в плечо, замрет в ожидании.

Но, возможно, она девушка практичная, прямая, привыкшая, что ничего не дается даром. В комнату вкрадываться не будет, скажет за ужином так же буднично, как пережевывают пищу:

«Дядь Миш, денег у меня нет, а даром поджигаться не хочу. Давай буду спать с тобой. Если ты можешь, конечно. Как у тебя с этим делом?»

«Все в норме».

«Тогда лады».

А может, это запуганная девочка, робкая сиротка, страшно привяжется к Грошеву, а он влюбится и однажды ночью не выдержит, войдет к ней, она тут же вскочит, прижмется спиной к стене, натягивая на плечи одеяло, зашепчет лихорадочной дostoевской скороговоркой, многословной и сбивчивой:

«Я хотела этого, Михаил Федорович, очень хотела, я каждую ночь этого ждала и об этом думала, такой себя негодницей чувствовала, что хоть воду холодную на себя лей, но вы ведь мне как отец теперь стали, и как же я смогу что-то с отцом-то? — ведь этого и я себе не прощу, и вы себе простить не сможете, нам расстаться придется, а я расставаться с вами не хочу, я до горячки дойду так, и думать об этом не хочу, и не думать об этом не могу; я знаете что поняла, Михаил Федорович, — любая любовь — это горе, потому что когда ничего нет, то и терять нечего, а когда что-то есть, бояться начинаешь, а я не хочу бояться, я устала бояться, у меня никого нет, я мать потеряла, не выдержу, если и вас потеряю, а потеряю обязательно, обязательно, я это чувствую, даже если вы меня не разлюбите, вы умрете, а я этого

не переживу; что делать, скажите, вы старше, умнее, с вами быть мучительно, от вас уйти еще мучительнее, как быть?»

Грошев увлекся и мысленно начал сочинять ответ бедной девушке: дескать, если всего бояться, то и жить не стоит, а кто когда умрет, этого никто не знает, и это не повод отказывать себе в том, что...

Тут раздался звонок.

Грошев вышел в узкий тамбур, похожий на тюремный коридор с глухими металлическими дверями — три соседских и одна его, увидел сквозь матовое стекло коридорной двери силуэт девушки.

Мог бы раньше выйти, помочь, она же с вещами, упрекнул он себя.

Открыл, увидел худую невысокую девушку, круглоглазую, как Чебурашка, в серой шапочке, шея обмотана толстым шарфом, тоже серым, черная куртка, черные джинсы, на ногах черные массивные ботинки с высокими зашнурованными голенищами, такие были модными у молодежи в девяностые, гриндера они назывались. Она и сама казалась ретродевушкой из девяностых. Правда, сейчас у молодежи нет общей моды, каждый сам создает себе индивидуальность, если это кого-то заботит. Похоже, ее — не очень.

— Далеко от метро идти, — сказала она так, будто Грошев был в этом виноват. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, проходите. Надо было раньше выйти, на «Дмитровской», и на трамвае почти до дома.

— Да ладно, прогулялась.